

МЕХАНИЗМЫ И ПРАКТИКИ ВЛАСТИ

Соловьев А.И.

ПРАВЯЩАЯ ЭЛИТА РОССИИ: К ВОПРОСУ О МЕХАНИЗМАХ И ТЕХНОЛОГИЯХ ПОЛИТИЧЕСКОГО ГОСПОДСТВА

В статье на основе понимания объективного местоположения элиты в системе государственной власти и управления показывается специфика выполнения своих политико-управленческих функций российским правящим классом. В этой связи освещаются факторы, обуславливающие постепенное утрачивание отечественной элитой способностей к профессиональному и справедливому распределению общественных ресурсов. Показывается, что такое положение, в конечном счете, ведет к формированию политических порядков, демонстрирующих наличие у правящего класса неоправданных привилегий в части получения общественных ресурсов, законодательно установленных прав, социальных возможностей и т.д. Классифицируя такое положение как форму политического господства правящей элиты, автор раскрывает основные политико-правовые и информационные технологии, позволяющие ей удерживать доминирующее положение в российском обществе и сохранять распределение общественных благ в свою пользу.

Ключевые слова: *правящая элита, политическое господство, общественные интересы, интересы правящей элиты, баланс политических сил, представительство гражданских интересов, политические, правовые и информационные механизмы и технологии удержания власти правящей элиты.*

Традиционно понятие «политического господства», как правило, употребляется для констатации доминирования той или иной крупной социальной общности (группы), устанавливающей принципы использования власти в целях организации общественного порядка. В этом плане политическое господство является важнейшим субстанциональ-

ным признаком государства и показателем его способностей, обеспечивающих стабилизацию и определенную направленность в развитии общества.

Будучи продуктом материалистического, прежде всего, марксистского подхода, это понятие отражало доминирующие позиции класса, взявшего под контроль государственную машину и превратившую ее в орудие своей политической воли. Не углубляясь в анализ достоинств и недостатков такого подхода, отметим лишь то, что в сочетании с идеями Г. Моска он закрепил инструментальное отношение к элите и ее функциям. В силу этого вместо меритократических трактовок, рассматривающих элиту как «сливки общества» (социальный слой, чьи представители превосходили по своим качествам иных членов социума), ее позиционирование стало неразрывно связываться с представительством гражданских интересов, контролем над процессом принятия решений, правом интерпретации общественных благ и постановкой целей государственных стратегий, продуцированием массовых ценностей и другими функциями (позволявшими развернуть государственный корабль в ту или иную сторону).

Понятно, что такое толкование правящего класса, с другой стороны, означало и неспособность масс самостоятельно выполнять функции по управлению государством и применению власти. Это давало основание некоторым теоретикам-элитистам полагать, что в обществе вообще не существует ограничений, которые могли бы усмирить притязания правящих кругов и игнорирование ими интересов общества. Впрочем, их оппоненты все же пытались отыскать такие ограничения. Так, Й. Шумпетер видел гарантии сохранения общественной направленности деятельности правящего класса в единстве социального происхождения элитарных и неэлитарных слоев. Многие институционалисты рассматривали в качестве таких ограничителей гражданский контроль, механизмы иерархической и демократической подотчетности, влияние массового дискурса, аттестующие ту политическую систему, где «индивиды приобретают власть принимать решения путем конкурентной борьбы за голоса избирателей» и которая предопределяет общественный характер принимаемых властями решений и распределяемых ресурсов (Schumpeter 2000: 269). Такие, по сути, демократические подходы, как правило, связывали свои идеи еще и с концептом либеральной идеологии, устанавливавшей зависимость усиления влияния общества на правящие элиты от расширения гражданских прав.

Как бы то ни было, но очевидно одно: элитам в силу их статуса и общественного местоположения приходится выдерживать сложный баланс между интересами общества в целом, потребностями доминирующей социальной группы и собственными узкогрупповыми притязаниями. Понятно также, что политическая динамика может создавать различные конфигурации элитарных планов и замыслов, меняя соотношение между этими целевыми основаниями ролевых функций правящего класса. В этом смысле поиск пропорций между этими ориентирами в решающей степени определяет и характер общественного развития, и фактическое позиционирование элит, организующих социально-политические порядки и придающие им легализованные формы.

В науке предложена масса интерпретаций поиска элитой указанного социального эквilibriumа. Марксизм связывал эти варианты при помощи понятия «отчуждения» общества от буржуазного государства, исторически меняющегося на систему коммунистического самоуправления народа; Ортега-и-Гассет писал о «восстании масс», перехватывавших управленческие функции элит и изменяющих систему государственного управления; К.Лэш, напротив, был уверен в неизбежности «восстания элит», чем дальше, тем больше концентрирующих в себе все политические инициативы общества и использующие государство для активного давления на граждан, и т.д. Множество оценок элитарной активности связано с характеристикой ее публичных и латентных сегментов (трайбов, «духовно-рыцарских» орденов, клик, сетей, альянсов, «семьи Ельцина», «коллективного путина» и прочих ассоциаций), способных осуществлять разнонаправленную деятельность на различных социальных аренах.

Представляется, однако, что в силу высокой автономности и самостоятельности элит найти какую-то одну логически непротиворечивую модель просто невозможно. В разных политических сообществах правящие элиты демонстрируют совершенно разнонаправленные действия: от ответственного служения обществу (особенно в первое время прихода демократической оппозиции к власти) до корыстного присвоения общественного богатства и установления жестких диктатур. Да и система оценок элитарной деятельности также далека от какой-либо унификации, поскольку множественные грани ее деятельности практически не имеют общего знаменателя и крайне слабо коррелируют между собой (к примеру, что важнее для общества: пробуждение у граждан

чувства национальной гордости или справедливое распределение общественных ресурсов?).

В решающей степени автономность деятельности элит обусловлена информационной асимметрией и закрытостью механизмов принятия государственных решений, где ответственность редко обретает публичные формы, а подотчетность обладает неиерархизированным характером. В свою очередь, такое положение предопределено тем фактом, что главную роль при разработке стратегий и целей государства играют различные сетевые коалиции, состоящие из лиц, контролирующих важнейшие финансовые, экономические, информационные, административные и прочие общественные ресурсы. И даже при высокой активности населения эта система целеполагания никогда полностью не открывается обществу. В этом смысле управленческие институты или публичный дискурс в основном играют роль либо предварительных площадок для согласования позиций, либо фактора, разогревающего общественное мнение, но при этом не способных гарантированно предопределить итоги принимаемых решений.

В силу такой политической морфологии власти в современном обществе отсутствует устойчивая корреляция между формами ее организации и общественным ростом (неразрывно связанным с социально ответственным характером распределения ресурсов). К примеру, многие исследования (в частности, А. Пшеворского) показывают, что демократии могут демонстрировать непропорциональные системы распределения ресурсов, в то время как авторитарные режимы (например, в странах Восточной Азии) обладают вполне эгалитарными системами распределения доходов (Gradstein, Milanovic, Ying 2001: 2). Одним словом, демократия как форма соучастия во власти элиты и неэлитарных слоев отнюдь не гарантирует общественной направленности деятельности государственных органов. Поэтому теоретически надо признать, что прямая зависимость между расширением демократических принципов организации власти и уменьшением социального неравенства, является всего лишь частным случаем в фактическом управлении государством.

Это показывает, что подлинным эпицентром принятия государственных решений являются *субъективные* качества элиты, предопределяющие характер понимания ее представителями общественных благ и каждый раз предлагающих их особенное соотношение со своими узкогрупповыми потребностями. Неслучайно многие ученые, в част-

ности, Ф.Хантер считали, что власть заключена в людях, в их взаимоотношениях, в неформальных связях, регулирующих их поведение (Hanter 1953: 60). В силу того, что ценностно-ориентационные и иные представления правящего класса и его ключевых представителей не являются однозначно заданными и зачастую не определяются даже деловой средой государственного управления, направленность действий правящей элиты в решающей степени является открытым процессом, хотя П.Сорокин и считал, что мораль общественного человека определяется характером организации экономического процесса¹.

Конечно, с чисто логической точки зрения можно зафиксировать некие стадии и формы исполнения элитами своих функций, которые могут дать определенные основания для идентификации внутренних позиций правящего класса. Так, если считать аутентичное исполнение элитами своих представительских функций (осуществляемых в интересах общества) за некую отправную точку, то можно, как минимум, выделить и ее антагонистическую позицию — превращение элиты в группу, узурпирующую властно-управленческие позиции в обществе и перенаправляющие потоки общественных ресурсов в своих интересах (что и может рассматриваться как фаза ее политического господства). Переходной ступенькой в достижении такого положения является процесс перехватывания у общества прав на представительство интересов (в виде ограничения прав населения на выражение своих позиций, строительства административных и поощрения деятельности кластерных партий, усиления административного контроля политического рынка, сужения каналов представительства гражданских интересов и т.д.); повышения роли различных «чрезвычайных мер», ведущих к снижению качества и реальной роли государственных институтов

¹ В то же время было бы ошибочным однозначно обвинять всех представителей правящего класса в корыстном характере выполнения своих обязанностей и тем более в злоупотреблениях. Поэтому как минимум неточным представляется утверждение, что наличие высоких позиций (предполагающих большой объем ресурсов, которым администраторы могут «распоряжаться и использовать по своему усмотрению») является прямой предпосылкой их коррупционного поведения (См.: Нисневич 2014: 32). Однако «свое усмотрение» может быть и общественно направленным (когда управляющий «перешагивает» административные барьеры ради пользы дела). Более того, этот подход игнорирует влияние сетевой организации элиты (в чьих ассоциациях чиновники могут вообще не присутствовать).

и их подмене активностью латентных структур правящего класса; постепенного внедрения политических коммуникаций, чьи нормы противоречат интересам общества (демонстрируя т.н. «поперечность» — Ж. Делез — их содержания социальным запросам общества) и с легкостью «перепрыгивают через барьеры права» (Пивоваров 2004: 11).

Представляется очевидным, что стадия «политического господства» элиты перепозиционирует данный слой в системе власти и управления, превращая его из *представителей* общества (и исполнителей его воли) в *бенефициариев* государственных программ и проектов (см. например Паренти: 2006). В этом случае выстраиваемые правящим классом векторы общественного развития, будучи в решающей степени направленными на узкогрупповые интересы элиты, превращают потребности общества и государства в сопутствующие задачи, реализуемые по остаточному принципу и прикрывающие подлинные цели власть предержащих. В этом смысле *общественная* власть (понимаемая как власть общества, организуемая в виде государственных институтов) меняется на *попечительскую* власть элиты, использующую свои латентные механизмы для проектирования целей и давления на общество (и конкурентов).

Представляется, что, несмотря на большое количество критериев оценки деятельности элиты (в том числе и на стадии политического господства), важнейшим показателем (демонстрирующим реальную позицию правящего класса) является величина общественных ресурсов, находящихся в распоряжении этого меньшинства. Собственно, этот параметр (при всей своей примитивности и редукционизме) позволяет отделить *эти* результаты правления элиты от результатов, достигнутых *при* ее правлении (ибо понятно, что любые масштабные формы госрегулирования всегда предполагают разные результаты, да и управляющим поневоле приходится решать стандартизированные задачи государственного значения).

Одним словом, можно дискутировать о содержании государственных интересов, успехах и трудностях, мешающих властям эффективно заниматься регулированием общественных отношений и т.д., однако надо признать, что в итоге любое состояние общества (его экономики, социальной сферы и проч.) всегда создает ту или иную конфигурацию доходов, которые получают различные группы общества, включая и представителей правящей элиты. Иначе говоря, любая фаза деятельности элиты (в том числе и политического господства) может и должна

оцениваться по количеству общественных благ, потребляемых правящим классом (и при этом соотносенных с ресурсным обеспечением других слоев населения). В этой связи уместно вспомнить и Макса Вебера (показавшего, что значительная часть политиков живет за счет политики), и Чарлза Линдблома (доказавшего, что элита может и политику «подгонять» под определенные цели, и цели под проводимую политику, и ради чего она совершает и проективные действия, и «выкарабкивается» из критических ситуаций). Так что уровень потребляемых элитой ресурсов является, пусть и огрубленным, но, в конечном счете, весьма определенным показателем их профессиональной деятельности.

Конечно, весь мировой опыт показывает, что правящее меньшинство никогда не действует себе в убыток и всегда отличается более высоким уровнем жизни. Однако даже в этой дифференциации скрыты совершенно различные пропорции, отражающие широкий комплекс социально-политических условий. Что касается России, то последние полтора десятилетия показали устойчивые тенденции роста благосостояния правящего класса, по оценке ряда аналитиков, свидетельствующие о появлении в стране даже не форбс-элиты, а особого форбс-пространства, ориентированного на интересы той новой аристократии, чей стиль жизни (учитывая, что их семьи живут за границей, там же учатся их дети, а в стране они только зарабатывают деньги) схож с «синдромом оккупанта» (Ю. Лотман), а по своему уровню недоступен представителям элиты даже из многих зарубежных стран. И существенная часть этой социальной прослойки — федеральные и региональные политики и высшие представители госбюрократии. И все эти тысячи миллионеров, представляющих население в законодательных органах власти или работающих в исполнительных и судебных структурах (в Центре и на местах), живут «как бы за стеклом», не видя и не понимая того, «как живут реальные люди» (Что осталось от социального государства 2015: 2). По сути, это «временщики», которые со временем уйдут со своих постов и позиций, но при этом, твердо зная, что они оставят своим детям, и их не волнует, «что будет дальше со страной, которую, на словах, они горячо любят» (Там же).

Не случайно многие специалисты, в частности, Е. Гонтмахер небезосновательно оценивают российское государство как «антисоциальное», преследующее только «собственные цели» » (Что осталось от социального государства 2015: 2). Такое положение, где люди рассмат-

риваются как расходный материал, является итогом не только неэффективного управления (в результате чего страна ежегодно теряет почти 2 % ВВП), разбазаривания средств и ужасающей коррупции, но и сознательной линии управляющих, прекрасно понимающих, как использовать свое положение для увеличения собственных ресурсов. Не углубляясь в историю, можно констатировать, что нынешние поколения элиты (во всем спектре своих коалиций — «питерцев», «силовиков», «газовиков» и «нефтяников», земляческих группировок и др.), получив доминирующие позиции в политическом и административном руководстве, создали тот «капитализм для своих», который и олицетворяет нынешнее российское государство и общество.

Невиданная в России коррупция, сформировавшая экономику «РОЗ»¹ и подчинившая государственные институты (прежде всего, судебные и силовые) интересам сетевых коалиций правящего класса, является источником постоянного совершенствования механизма перекачки общественных ресурсов в карманы политиков и чиновников федерального и регионального уровней, по-своему реагируя на санкции, деофшоризацию и иные новации и вызовы времени. Не стоит, видимо, говорить, что процветание этой коллективной «рублевки» происходит на фоне усугубляющегося роста бедности в стране (в чьи тени попадают не только безработные, но и работающие специалисты) и стремительного увеличения людей, имеющих недопустимо низкие доходы. И, к сожалению, динамика ситуации не дает оснований считать, что установленные элитой «правила игры», позволяющие ей получать политическую и административную ренту за счет «молчаливого» большинства (см. Институциональная политология 2006: 31) в скором времени сойдут на нет.

Весьма показательно, что все акции по борьбе с коррупцией, политизацией судов или пропаганда эффективных мер по развитию экономики не могут породить хоть какой-то системный эффект,² способный установить должный правовой порядок и вывести страну из той исторической зоны, которая грозит ей сохранением постоянного места на

¹ РОЗ — распил, откат, занос (А. Белковский).

² Например, сегодня в стране действуют 5 Федеральных законов, 13 Указов Президента, 5 Постановлений Правительства, направленные на борьбу против коррупции. Но весь этот комплекс документов оказывается бессильным в борьбе с этим злом.

периферии мирового развития. Представляется, однако, что бесплодность *реальных* усилий, направленных на оздоровление ситуации, на деле показывает не столько неспособность властей добиться необходимых социально-экономических успехов, сколько их стремление *сохранить* существующий социальный порядок (и в первую очередь принципы распределения ресурсов), адаптировав его к современным факторам внутреннего и внешнего давления. Все это позволяет сделать вывод, что такая линия демонстрирует подход отечественной элиты к социальным проблемам лишь с точки зрения их «избирательной окупаемости» (Роберт Даль), провоцирующей замещение общественных ориентиров целями самообогащения¹. Памятуя о многочисленных фактах фальсификации выборов, политизированных решениях судов и иных аналогичных фактах, можно утверждать, что правящая отечественная элита неуклонно утрачивает свои представительные функции и, абсолютизируя свои управленческие возможности, превращается в заказчика и бенефициария госрегулирования. Тем самым, она перепрофилирует систему власти и госуправления на свои собственные интересы, превращая рычаги политического господства в средство самолегитимации и ресурсного самообеспечения.

Надо признать, что политико-административными условиями, обеспечивающими такой перекося в распределении общественных ресурсов, являются низкое качество государственных, особенно судебных институтов; жесткий контроль за публичными, в частности протестными формами гражданской самодеятельности, подрывающий коммуникации государства и общества и общегражданскую солидарность; неуклонная минимизация неотчуждаемых полномочий местных органов власти и т.д. Не случайно ряд аналитиков дает весьма жесткие оценки такому положению дел, полагая, что сегодня вместо государственной политики в стране сложился «лишь персональный бизнес высшей бюрократии, интересам которого подчинены экономические, полити-

¹ Нельзя не сказать, что установка правящих кругов на самообогащение поражает особым цинизмом, с которым «представители народа» распределяют общественные блага (вспомним, например, о попытках ГосДумы принять «Закон Роттенберга», компенсирующий издержки западных санкций для приближенных к властям бизнесменов; многомиллионные зарплаты руководителей государственных банков и корпораций; качественное повышение пенсий и зарплат высшим госчиновникам; строительство многочисленных роскошных резиденций для руководства страны и проч.).

ческие и идеологические шаги нашей власти» (Иноземцев 2015: 55). Более того, ряд специалистов видят в выдвижении стратегических проектов как одного из основных инструментов «экономического маневра» на современном этапе больше негативных, чем позитивных последствий. Поскольку ряд из них, в частности, создание «территорий опережающего социально-экономического развития», демонстрирует, помимо желания властей «сдать <...> в долгосрочную аренду <...> целые масштабные территории страны», отказ от «установленных законом социальных стандартов <...> и конституционных принципов государственного управления» (Болдырев 2015: 26-27).

Конечно, в России всегда существовали условия, которые постоянно склоняли правящий класс к элитарному типу правления. Это неизбывный этатизм и наличие авторитарно-тоталитарных традиций в организации власти; слабость гражданских институтов и общественной самоорганизации, низкая заинтересованность людей в контроле правящих кругов; постоянные популистские заявления властей о персонализацию служебных полномочий. Это культурный раскол общества, неукорененность в общественном мнении прав меньшинства; культурные стандарты отечественной бюрократии (относящейся к гражданам, как к подчиненным, склонной к манипулированию, демонстрирующей неуважение к законам и проч.); отсутствие традиций конкурентной политики; неизживаемый революционаризм и низко консенсуальный климат в обществе и т.д. Однако на каждой стадии общественного развития комбинация всех этих факторов оказывала различное воздействие на статус и управленческие практики правящей элиты.

В этом смысле следует отметить современные — в известной мере безотносительные к характеру социально-экономических результатов общественного развития — механизмы и технологии воспроизводства правящим классом своего господствующего положения. Причем, как в Центре, так и на местах. Учитывая весьма широкий круг таких методов, условно разделим их на отраслевые инструменты, аттестующие предметную специфику социальных арен: *политические, административные (управленческие) и информационные (методы символической политики)*.

Так, политические технологии, прежде всего, направлены на контроль реперных точек режима правления — механизмов представительства гражданских интересов, рекрутинга правящего класса, уровня поддержки власти и публичной активности населения. К этим методам политического воспроизводства правящего режима следует отнести:

— принятие политически мотивированных законов, расширяющих возможности правящего режима по контролю над политическим пространством (например, перманентное изменение избирательного законодательства перед каждыми федеральными выборами, создающие преимущества провластным структурам и фигурам; усиление административного контроля над партийным рынком, НКО, медиапространством, протестными движениями);¹

— вытеснение социально детерминированных (электоральных и квалификационных) механизмов рекрутирования политических лидеров мерами протекционистской поддержки и сетевого менеджмента, отсекающих нежелательных лиц от статусных позиций и создающих фактические преференции людям из многоярусного резервуара истеблишмента (в основном представляющих силовой и углеводородный сектор правящего класса);²

— политически мотивированную правоприменительную практику (позволяющую активизировать использование административного ресурса на выборах, ужесточать контроль над формами гражданской активности населения, устранять неугодные структуры с политического рынка, политизировать деятельность судебных инстанций и т.д.);

— сохранение внутренней противоречивости национального законодательства, позволяющее властям произвольно использовать отдельные правовые положения для точечного применения санкций против политических соперников и конкурентов, осуществления скрытого финансирования выборов, участия крупных корпораций в обеспечении электоральных результатов и т.д.;

— устранение реальной политической конкуренции (за счет усиления административного контроля за протестными и оппозиционными акциями и движениями, масс медиа, партийными структурами; созда-

¹ К примеру, специалисты фиксируют последовательное искажение явки и результатов выборов, которое достигало «своего максимума на выборах Президента РФ в 2008» и «выборах депутатов в 2007», а в 2011 «вызвало к жизни протестное движение за честные выборы» (Бужин 2014: 67).

² Показательно, что еще несколько лет назад ученые методами включенного наблюдения зафиксировали качественное расширение присутствия (и влияния) представителей силовых структур и спецслужб в системе управления государством, поставив, таким образом, вопрос о формировании в стране особого типа управления государством - «милитократии» (О.Крыштановская).

ния фейковых проправительственных организаций; укрепления монопольных позиций «думских» партий) и, как следствие, разрушение политического рынка;

— ужесточение контроля над деятельностью гражданского сектора, предполагающее вытеснение из публичного пространства всех нелояльных сообществ и организаций и таким образом сужение легальных возможностей для проведения демонстраций, пикетов, референдумов и осуществления критики в адрес государственных структур; позиционирование неугодных НКО в качестве иностранных агентов; создание «патриотических стоп-листов» и списков «нежелательных организаций»; расширение полномочий силовых структур и спецслужб и т.д.;

— осуществление точечных «репрессий» против оппозиционных активистов, лидеров и просто протестующих граждан¹.

— активное использование технологий самолегитимации правящего режима;

Специфическим значением отличаются и методы, обладающие собственнo **управленческим** характером. К ним, прежде всего, стоит отнести:

— *дирижизм* или технику конструирования социальных групп, получающих преимущественные ресурсы². В российских условиях такая

¹ К таким технологиям относятся: 1) фальсификация административных и уголовных дел в отношении участников массовых протестных акций; 2) неадекватные по строгости наказания для лиц, действительно совершивших правонарушения в ходе протестных акций, с использованием неприменимых к ним статей УК РФ; 3) фальсификация уголовных дел в отношении лидеров оппозиционных организаций и гражданских активистов по основаниям, не связанным с протестными акциями; 4) «профилактические» задержания гражданских активистов и фальсификации против них административных дел с целью не допустить их участие в протестных мероприятиях; 5) включение гражданских активистов в списки лиц, «склонных к экстремистской деятельности», и применение к ним не основанных на законе санкций (запрет на выезд из населенного пункта и т.д.) (Савва Е.В., Савва М.В 2014: 83).

² Уточним в связи с этим, что существует три типа социально ориентированных технологий госрегулирования, предполагающих «рассеивание» и «концентрацию» общественных ресурсов: классические (когда интересы социальных групп оцениваются через призму обуславливающих их содержание объективных условий, а решения являются продуктом последовательного агрегирования гражданских потребностей); интеракционистские (предпола-

тактика выделения адресных групп неразрывно связана с расширением возможностей рентоориентированного поведения госбюрократии;

— фактическое расширение (сохранение) государственного контроля над экономическим (особенно предпринимательским) сектором, усиление явных и неявных форм контроллинга над бизнес-структурами и учреждениями (не исключающим разноликие формы государственного рейдерства);

— использование результатов серых схем движения товаров и услуг для финансирования политических проектов (избирательных, рекрутинговых, покрытие транзакционных издержек в отношениях с проправительственными «активистами» и т.д.).

Принципиальную роль играют и технологии информационного типа или методы **символической политики**, чьи образы, внушающие понимание «справедливого» распределения «общественных благ» и эффективной реализации «государственных интересов», направлены на создание положительных имиджей действующих властей и проводимой ими политики.

Смысловой основой такой линии является идеологическая установка на отождествление государства и правящего режима. Таким образом, патриотизм позиционируется не как любовь к Родине, а как показатель политической лояльности к властям, в результате чего любая критика политического курса или руководства страны рассматривается как антигосударственная деятельность (подготовка «цветных революций», «майданов») или же проявление «русофобии» и «поклонение Западу»¹.

гающие, что социальные проблемы являются формами проекции коллективных чувств, настроений, мнений, корректирующих «простое» отражение объективных условий в обществе. В этом смысле «социальная проблема существует, прежде всего, с той точки зрения, как она определяется и воспринимается в обществе» (Blumer 1971: 300); дирижистские (демонстрирующие волевой характер конструирования каналов и механизмов, предполагающих перераспределение ресурсов в интересах приоритетных групп на основании замещения результатов агрегирования и общественных позиций мнением руководящих лиц).

¹ К примеру, в июне 2015 г. мэр Новосибирска А.Локоть в одном из своих выступлений на Общественном совете при мэрии обвинил Демократическую коалицию в том, что она готовит в городе «оранжевую революцию» на деньги Госдепа США. И что, по его сведениям, американцы финансируют такой про-

К технологиям символической политики можно отнести:

— агрессивное использование в публичном дискурсе разнообразных пропагандистских и агитационных методов, педалирующих противостояние большинства («здоровых сил») с внешними и внутренними противниками (к которым относятся не только открытые противники режима, но и все критики власти и просто здравомыслящие люди, имеющие свою точку зрения на происходящие процессы);¹ В смысловом отношении данные технологии базируются на укреплении престижа консервативных ценностей, ребрендинге образа Президента, популяризации особого для России «цивилизационного кода», разжигании антизападных настроений и разрушении позитивного облика оппозиции;

— гибкое сочетание механизмов и инструментов on-line и off-line политики (например, скоординированные выступления традиционных СМИ и проправительственных активистов в блогосфере);

ект еще в ряде городов России. (См. Мэр Новосибирска... 2015) Представители Демкоалиции подали на мэра в суд.

¹ По сути, сегодня любая протестная акция или критика интерпретируется властями как попытка подорвать «государственные устои» или «заказная деятельность» со стороны Запада и его спецслужб. Из уст депутатов Госдумы звучат призывы ликвидации всех НКО, признанных «иностранными агентами»; пересмотреть законность статуса прибалтийских государств; не выпускать за границу «русофобов», а некоторые народные избранники ухитряются даже показатели профессиональной деятельности ученых — индекс Хирша — рассматривать как коварные происки Запада, навязывающего нам свои ценности. В публичном пространстве начинает использоваться семантика, которая никогда, даже во время холодной войны не использовалась властями («национал-предатели», «враги народного сознания» и др.). В унисон таким установкам отдельные «теоретики» отождествляют «либерализм с фашизмом», проповедуют ценности мононационального устройства России и т.д. Одновременно идет скрытая реабилитация сталинизма и поощрение имперских традиций (открытие музея Сталина в Тверской области, планируется восстановление памятника Дзержинского в Москве и т.д.). В конечном счете, нагнетание атмосферы напряженности становится обыденным явлением, а многочисленные практики «цивилизационной борьбы» с Западом и культивации «безбашенного патриотизма» создают атмосферу эмоциональной перегруженности государства, способствующую распространению страхов, «политическому озверению» общества, созданию в стране атмосферы негражданственности (неудивительно, что сегодня, в июле 2015 г. — по данным Левада-центра — более 69% россиян стараются не иметь лишних контактов с властью).

- установление негласной цензуры на федеральных телеканалах и центральных СМИ, составление «черных списков» для нелояльных политиков, ученых и специалистов;
- персональные атаки на критически мыслящих журналистов и поощрение самоцензуры в политической журналистике;
- использование хакеров и блогеров для активизации проправительственных настроений интернет-аудитории;
- организация скандалов и провокаций, раскалывающих гражданское поле и снижающих уровень консолидации общества;
- оправдание охранительной тенденции в отношении высших представителей правящего слоя (коррекция Гражданского кодекса и иных правовых актов, не позволяющих официально сравнивать доходы и расходы госчиновников; отказ от публикации доходов руководителей госкорпораций; принятие «Закона о забвении», позволяющего скрывать компрометирующие сведения о власти предержащих и т.д.);
- организация лекций провластных «интеллектуалов» на мероприятиях и в высшей школе.

В публичной сфере применение технологий символической политики происходит в форме «демократического спектакля», использующего многогранные имитации «протеста/солидарности», направленного на PR-позиционирование основных политических фигур в публичном пространстве, разрушение позитивного имиджа оппозиции, противопоставление внешним угрозам и проч. При этом смысловая интенция распространения пропагандистских технологий напоминает религиозную триаду: предупредить распространение нежелательных идей, разубедить их носителей в неприемлемости взглядов, отлучить (от партии, государства, Родины).

Понятно, что в высоко конкурентном мире, где существуют прямые угрозы безопасности страны, неизбежны разнообразные формы информационного противоборства (так или иначе связанные с манипулированием, дезинформацией и проч.). Однако следует видеть, что даже при таких обстоятельствах нельзя превращать противостояние в единственную основу массовых коммуникаций. Более того, ориентация на внутреннюю консолидацию общества должна предполагать сохранение возможностей для разнообразных гражданских идентификаций, уважительного отношения к различного рода меньшинствам.

Представляется, что основная интенция символической политики состоит в утверждении двух морально-политических максим — ждать

и терпеть (что по умолчанию означает, что власти в будущем сами все устроят как надо). Тем самым такие информационные действия, поощряющие привычную для страны «азиатскую доблесть смирения» (В. Ген), обеспечивают и последовательное вытеснение любых форм гражданского контроля из системы госрегулирования. Того общественного контроля со стороны гражданского общества, который, как справедливо считает Т.А. Кулакова, направлен на «снижение социального неравенства», устранение привилегий «вне и в обход разработанных механизмов формального представительства», использование незаконных методов влияния на «принятие социально значимых решений» (Кулакова 2011: 311).

На фоне неизменяемой конфигурации правящего слоя и сохраняющихся трендов в распределении ресурсов такое положение позволяет предположить, что символическая политика в основном имеет не консолидирующий общество характер, а сугубо охранительный. Более того, нельзя не видеть и того, что суммарным эффектом такого информирования становится углубление идеологических противоречий (в свою очередь, провоцирующих расширение националистических и шовинистических настроений), а также увеличение чувства тревожности общественного мнения. И в этом плане никого не должен убаюкивать высокий уровень поддержки Президента (демонстрирующий не столько внутреннюю сплоченность общества, сколько решимость в осуждении противников).

Таким образом, символическая политика, пытаясь повысить репутационный капитал правящего режима (демонстрируя в этих целях «образцы демократизации», имитируя гражданский характер государственных институтов, повышение роли общественности и т.д.), по факту всего лишь позволяет элитам оперативно разворачивать общественное мнение в выгодное для них русло. Но в том числе и прикрыть свои партикулярные планы по перераспределению ресурсов. Учитывая такую «озабоченность настоящим», уместно провести аналогию с современной Украиной, где националистическая истерия (в сочетании с обильной помощью Запада) ведет к обнищанию рядовых граждан и обогащению правящей верхушки.

В связи со сказанным представляется важным отметить, что обозначенные технологии и механизмы самовоспроизводства правящего режима не просто тормозят развитие общества, но и препятствуют появлению новых сегментов политической и экономической элиты, заин-

тересованных в продвижении перспективных проектов и целей. Это, в свою очередь, замораживает и тормозит структурные преобразования, не давая прорасти инновационным экономическим и политическим конструкциям. В итоге идеологический консерватизм правящего слоя обретает свою фундаменталистскую версию (исключающую развитие как таковое), способную оставить Россию за чертой современности. Ведь сегодня не только специалистам, но и всем мало-мальски думающим людям понятно, что если в самое ближайшее время не будут сделаны решительные шаги по изменению экономического положения (другими словами, если элиты не начнут работать на общество, в полной мере используя его пассионарную энергию), то страна навсегда останется самой масштабной территорией «четвертого мира».

Будет ли наверняка понимающая эту ситуацию элита делать решительные шаги по изменению своих коммуникаций с обществом или же станет «тянуть» время, до последнего выкачивая из страны «свою» ренту, может показать только будущее. Но готовы ли элиты к внутренней перестройке? Отвечая на это вопрос, надо видеть и то, что, к глубокому сожалению, общество в этой ситуации пока еще не является стороной, способной помочь правящему классу вернуть его подлинный статус. Одним словом, агрессивность элиты и бессилие общества — это не то лекарство, которое нужно сегодня России.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

Болдырев Ю. Начинать надо с мировоззренческих целей и мотивов // Мир перемен. Специальный выпуск 2015. С. 26-27.

Бужин А.Ю. Эволюция электоральных показателей российских выборов в 1996-2012 годах // Полис. 2014. № 6. С. 67

Иноземцев В. В России нет экономической политики // Мир перемен. Специальный выпуск 2015. С. 55.

Институциональная политология: Современный институционализм и политическая трансформация России / Под ред. С.В.Патрушева. М.: ИСП РАН, 2006. С. 31.

Кулакова Т.А. Политика изменений: административные реформы и взаимодействие государства и общества. СПб.: Изд. СПбГУ, 2011. С. 311.

Мэр Новосибирска Анатолий Локоть заявил, что Демократическая коалиция готовит в России оранжевую революцию// Сиб.фм. 30.06.2015 URL: <http://sib.fm/news/2015/06/30/mehr-novosibirska-anatolij-lokot-zajavil-cto-demokraticeskaja>.

Нисневич Ю.А. Публичная власть и коррупция: социально-антропологический подход // Полис. 2014. № 6. С. 32.

Паренти М. Демократия для избранных: Настольная книга о политических играх США / пер. с англ. В.Н. Горбатенко. М.: Поколение, 2006.

Пивоваров Ю.С. О «нормативности фактического» в русской политике // Властные элиты современной России / Отв. ред. В.Г. Игнатов и др. Ростов на Дону: Изд-во СКАГС, 2004. С. 11.

Савва Е.В., Савва М.В. Политические репрессии в современной России и методики креативного сопротивления // Публичная политика / Под ред. М.Б. Горного и А.Ю. Сунгурова, СПб.: Норма, 2014. С. 83.

Что осталось от социального государства // Новая газета. № 70 (2357). 06.07.2015. С. 2.

Blumer G., Blumer H. Social problems as collective behavior // Social problems. 1971. Vol. 18. P.300.

Gradstein M., Milanovic B., Ying Y. Democracy and Income Inequality: an Empirical Analysis. Washington, DC: Poverty and Human Resources, 2001. P. 2.

Hanter F. Community Power Structure: A Study of Decision Makers. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1953. P. 60.

Schumpeter P. Capitalism, Socialism, and Democracy. N.Y.; L.: Routledge, 2000. P. 269.

REFERENCES

Blumer G., Blumer H. Social problems as collective behavior // Social problems. 1971. Vol. 18. P. 300.

Boldyirev Yu. Nachinat nado s mirovozzrencheskih tseley i motivov [Boldyirev Yu. One may start from the ideological aims and motives] in Mir peremen. Spetsialnyiy vyipusk, 2015. P. 26-27 (in Russian).

Buzin A. Evolyutsiya elektoralnyih pokazateley rossiyskih vyiborov v 1996-2012 godah [Buzin A. The evolution of electoral performance of Russian Elections] in Polis. 2014. № 6. P. 67 (in Russian).

Chto ostalos ot sotsialnogo gosudarstva [What has left from the welfare state] in Novaya gazeta. # 70 (2357). 06.07.2015. P. 2. (in Russian).

Gradstein M., Milanovic B., Ying Y. Democracy and Income Inequality: an Empirical Analysis. Washington, DC: Poverty and Human Resources, 2001. P.2.

Hanter F. Community Power Structure: A Study of Decision Makers. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1953. P. 60.

Inozemtsev V. V Rossii net ekonomicheskoy politiki [Inozemtsev V. There is no economic policy in Russia] in Mir peremen. Spetsialnyiy vyipusk, 2015, P. 55. (in Russian).

Institutsionalnaya politologiya: Sovremennyiy institutsionalizm i politicheskaya transformatsiya Rossii [Institutional Political Science: Modern institutionalism and political transformation of Russia] ed. S.V.Patrusheva. Moscow, ISPRAN, 2006. P. 31.

Kulakova T. Politika izmeneniy: administrativnyie reformyi i vzaimodeystvie gosudarstva i obschestva [Kulakova T. Policy of changes: administrative reform and

interaction of state and society], St.Petersburgb.: Izdatelstvo SPbGU, 2011. P. 311 (in Russian).

Mer Novosibirskaya Anatolij Lokot zavil, chto Demokraticeskaya koalitsiya gotovit v Rossii oranzhevuyu revolyutsiyu [Novosibirsk Mayor Anatoly Lokot said that the democratic coalition is preparing an orange revolution in Russia] on Sib.fm. 30.06.2015 URL:<http://sib.fm/news/2015/06/30/mehr-novosibirskaya-anatolij-lokot-zavil-chto-demokraticeskaja> (in Russian).

Nisnevich Yu.A. Publichnaya vlast i korruptsiya: sotsialno-antropologicheskii podhod [*Nisnevich Yu.* The public power and corruption: the socio-anthropological approach] in Polis. 2014. № 6. P. 32 (in Russian).

Parenti M. Demokratiya dlya izbrannykh: Nastolnaya kniga o politicheskikh igrah SSHA. [*Parenti M.* Democracy for a few]. Translation from English V.N. Gorbatenko. Moscow, Pokolenie, 2006 (in Russian).

Pivovarov Yu.S. O «normativnosti fakticheskogo» v russkoy politike [*Pivovarov Yu.* About «Normativity of Actual» in Russian politics] in Vlastnye elityi sovremennoy Rossii, ed. V.G. Ignatov and others. Rostov na Donu, SKAGS, 2004. P. 11. (in Russian).

Savva E.V., Savva M.V. Politicheskie repressii v sovremennoy Rossii i metodiki kreativnogo soprotivleniya [*Savva E.V., Savva M. V.* Political repression in modern Russia and techniques of creative resistance] in Publichnaya politika. Ed. M.B. Gornii and A.Yu.Sungurov, SPb, Norma, 2014. P. 83 (in Russian).

Schumpeter P. Capitalism, Socialism, and Democracy. N.Y.; L.: Routledge, 2000. P. 269.